

Филологический факультет
Урало-Поволжья

Предисловие к публикации

Б. В. Орехов

НИУ «Высшая школа экономики»

Наука не равнодушна к истории университетов. В последние десятилетия вышло несколько обобщающих трудов на эту тему¹. Удивительного в этом мало: университет не просто «учебное заведение», это важный культурный центр, моделирующий взгляды и общественные отношения, да и сам он своеобразно преломляет структуру социума.

Много написано и про историю филологических факультетов в старейших университетах. Разумеется, в расчет нужно брать не только официальную «глянцевую» историю, но и гораздо более ценные источники, отражающие собственно человеческий опыт. Например, публикация о бегстве на Запад выпускника филологического факультета Александра Дольберга². В социологии такого рода источники тщательно собираются и становятся основой для качественных исследований, их ценность отрицать невозможно. Чаще всего такие данные собираются в ходе интервьюирования участников событий и используются для реконструкции социальных действий и отношений в специфических сообществах³.

В той же социологии (а также антропологии) применяется метод включенного наблюдения, подразумевающий, что ученый участвует в изучаемом действии и таким образом собирает необходимые для научного осмысления данные: «Участвующее неструктурированное наблюдение — важнейший метод полевого исследования, при котором заранее не существует сколько-нибудь жесткого систематического плана»⁴. Многие научные школы или даже

¹Вишленкова Е. А. Казанский университет Александровской эпохи: Альбом из нескольких портретов. Казань: Издательство Казанского университета, 2003; Вишленкова Е. А., Малышева С. Ю., Сальникова А. А. Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. Казань: Казанский государственный университет, 2005; Вишленкова Е. А., Галиуллина Р. Х., Ильина К. А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

²Из жизни филологов. 4. Опасный беглец [А. М. Дольберг] // Новое литературное обозрение. 1997. № 24. С. 283–287.

³Зусман А., Рождественская Е. Ю. Интервью с бывшим узником концлагеря «Мертвая петля» Ароном Зусманом // Власть времени: социальные границы памяти. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2011. С. 101–121; Рождественская Е. Ю. Нарративное интервью в отсутствие нарратива: методические следствия для анализа // Социологические методы в современной исследовательской практике: Сборник статей, посвященный памяти первого декана факультета социологии НИУ ВШЭ А. О. Крыштановского [Электронный ресурс] / Отв. ред.: О. А. Оберемко. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2011. С. 153–157.

⁴Воронков В. Размышления о полевого исследовании (Вместо введения) // Уйти, чтобы остаться: Социолог в поле. СПб.: Алетейя, 2009. С. 9.

целые дисциплины относятся к такого рода подходам: «К минусам здесь, казалось бы, можно отнести то, что исследователь теряет способность концентрироваться на задачах наблюдения. Он утрачивает возможность отстранения, теряет познавательную дистанцию в отношении объекта наблюдения и искажает этим результаты своих наблюдений»⁵. Но у него все же есть защитники, которые находят по-своему убедительные аргументы: «Безусловно, в подобном изложении невозможно избавиться от селективности и субъективно интерпретации фактов <...>. Однако в исследованиях, сделанных в рамках позитивистской методологии, подобная селективность и субъективность тоже, безусловно, присутствует. При этом их непроговоренность маскирует, но не снимает проблему. Я полагаю, что проговоренная субъективность преодолевает субъективность скрытую. Читателю становится понятен весь ход развития исследования и аргументация автора, его способ мыслить и интерпретировать исследуемые феномены. В этом смысле “субъективность” исследователя — условие научной “объективности”»⁶. Можно встретить и развитие этой мысли, сформулированной в заостренном виде: «сила и характер эмоции, испытываемых исследователем в полевой работе, через рефлексию и теоретизацию могут стать вкладом в научное осмысление феномена»⁷.

Таким образом, человеческие, а не официальные и не лабораторные документы вписываются в сферу важных научных источников, таких, которые могут стать едва ли не более информативными и объективными, чем документы, традиционно привлекаемые для создания нарратива.

Вернемся к университетской проблематике. Если мы хотя бы немного отклоняемся от центральной оси и бросаем взгляд на факультеты за пределами традиционной сферы внимания историков университета, дефицит источников становится очевидным. Как устроено преподавание на филологических факультетах провинциальных вузов? Что попадает в фокус внимания студентов, как выстраивается учебный план, система отношений с преподавателями, как концептуализируется материал? К ответу на эти вопросы можно подойти с разных сторон, например, изучив учебные планы вузов в формальном сравнительном аспекте. Мы решили обратиться к проблеме иначе. Ниже мы публикуем тексты-воспоминания, стилизованные под участвующее неструктурированное наблюдение социологов, только объектом наблюдения становится для участников эксперимента их факультет. Конечно, это не в точности социологический метод: полевым социологам хорошо известно, что наблюдения следует записывать сразу же, ведь память крайне ненадежная и творческая инстанция. В нашем случае между событиями обучения и их фиксацией прошли годы. Тем не менее, публикуемые здесь материалы могут оказаться полезными с разных точек зрения.

⁵Там же. С. 8.

⁶Бредникова О. «Чистота опасности»: field-фобии в практике качественного социологического исследования // Уйти, чтобы остаться: Социолог в поле. СПб.: Алетейя, 2009. С. 32.

⁷Кудрявцева М. Вы когда-нибудь попрошайничали? — Да, однажды...» // Уйти, чтобы остаться: Социолог в поле. СПб.: Алетейя, 2009. С. 62.

Более того, они могут оказаться и просто интересными, благо каждый дипломированный филолог сможет сравнить свои ощущения и воспоминания с теми, которые он найдёт ниже.

Мы отказались от того, чтобы приводить здесь реальные имена здравствующих преподавателей. Кажется, что цель и жанр этой публикации не совпадают с теми, где роль личности в истории довлеет над генеральным планом. Эти воспоминания следует воспринимать не как изолированные рассказы об отдельных предметах и людях, это именно системный нарратив о филологических факультетах целиком, а как зовут тех или иных представителей этой системы, не так уж и важно.

Для нашего проекта, собравшего тексты об обучении на филологических факультетах, мы выбрали условный Урало-Поволжский регион. Условный он потому что, во-первых, присутствующие здесь тексты не покрывают всего пространства Урала и Поволжья: Уфа, Челябинск, Самара, Екатеринбург, Ульяновск — это ещё не весь Урал и не вся Волга. Где же Казань? Магнитогорск? Нижний Новгород? Выбор городов в достаточной степени случаен и обусловлен внешними обстоятельствами. Во-вторых, ни экономически, ни культурно, ни интеллектуально затронутые города не составляют единого региона. Горизонтальные связи между ними слабы, а жителей Ульяновска занимают совсем другие проблемы, нежели уфимцев.

Тем не менее, у публикуемых текстов есть общий магистральный сюжет и общий замысел. Реконструировать его здесь нет никакой необходимости, внимательный читатель легко восстановит его сам. Надеемся, что представленные на этих страницах тексты послужат и начертанию более полной истории филологии в России, и улучшению качества филологического образования. И для того, и для другого, и для других, не эксплицированных здесь задач, эти воспоминания дают достаточно поучительной информации.